

УДК 327.8

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

И.В. Халанский

Рассматриваются проблемы и перспективы, возникшие в процессе реализации проекта формирования единого экономического пространства Российской Федерацией в Евразийском регионе.

Ключевые слова: Россия; евразийское пространство; Центральная Азия; экономические отношения и интеграция.

ON THE FORMATION OF COMMON EURASIAN ECONOMIC SPACE: PROSPECTS AND RISKS

I. V. Khalanskey

The article is devoted to problems and prospects that have arisen in the implementation of the project of forming a single economic space of the Russian Federation in the Eurasian region.

Keywords: Russia; the Eurasian space; Central Asia; economic relations and integration.

Последние пять лет Россия интенсивно пытается сформировать единое экономическое пространство, на котором функционировали бы однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении правовых норм, существовала бы единая инфраструктура и проводилась согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающая свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако данный российский проект построения экономического регионального интеграционного объединения при всей своей перспективности сталкивается с серьезными трудностями и, чтобы стать успешным, потребует долгих и основательных усилий [1].

Россия в 1990-е и 2000-е гг. была очень сильно ориентирована на отношения с западными странами. Запад оставался для российского бизнеса основным источником инвестиций, технологий и общих идей/ценностей. Очарование Западом прошло в российской политической и бизнес-элите сравнительно быстро. Со второй половины 1990-х гг. тон российской внешней политики задавали реалисты-прагматики. Долгое время Россия не ощущала в себе внутренних сил, чтобы открыто отстаивать свои национальные интересы и, возможно, даже не в состоянии была их четко сформулировать. Значительные дипломатические усилия были тогда направлены именно на то, чтобы удержать США и НАТО в рамках международного права. Такой

подход предполагал выделение ограниченных усилий на политику в отношении стран постсоветского пространства, несмотря на все декларативные заявления о том, что они являются приоритетными в российской внешней политике. Основное время и силы уходило на отношения с США, НАТО и G8.

В начале XXI в. российская элита созрела до международной экспансии, результатом которой стал “имперский либерализм”. Концепцию “либеральной империи” озвучил в 2003 г. небезызвестный Анатолий Чубайс [2]. Она сводится к тому, что у России нет иного выбора, кроме как расширять свое экономическое и политическое влияние на постсоветском пространстве. Однако Россия должна быть не тираном или гегемоном, а, напротив, источником прогресса и гарантом соблюдения прав человека. В этом якобы ее национальная миссия, которая способствует реализации национальных интересов. И действительно, в первой половине 2000-х гг. Россия стала проводить на постсоветском пространстве, в том числе и в Центральной Азии, все более целенаправленную политику.

Когда в 2009 г. было объявлено о старте процесса формирования Таможенного союза (ТС), этот вопрос стал одним из наиболее дискутируемых в российской политической и деловой элите. Многие представители либерального лагеря первоначально резко выступили против ТС, так как опасались, что его формирование осложнит и отложит вступление России в ВТО [3]. Между участием в процессе глобализации и региональной интегра-

цией они однозначно делали выбор в пользу глобализации.

Первоначально при самых благоприятных обстоятельствах единое экономическое пространство (ЕЭП) мыслилось в масштабах России, Беларуси, Казахстана, Украины, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Армении и Молдовы. ЕЭП в таких масштабах прибавило бы к российской экономике более четверти российского ВВП (0,5 трлн долл.), а по паритету покупательной способности даже больше – около трети российского ВВП. Это было бы ЕЭП с общим населением, проживающим на его территории, более четверти миллиарда человек.

Однако уже в 2014 г. стало окончательно понятно, что Украина с ее 45 млн населения и 177,4 млрд долл. ВВП, а также Узбекистан с 30 млн населения и 56,8 млрд долл. ВВП даже теоретически ни в какой союз в обозримом будущем не войдут.

Узбекистан проводит на постсоветском пространстве одну из самых амбициозных программ реиндустриализации. Запуск и первые этапы этой программы идут за счет внутреннего рынка в 30 млн населения. Однако возможности внутреннего рынка будут рано или поздно исчерпаны. Значение экспорта промышленной продукции повышается для Узбекистана с каждым годом. И уже в обозримой перспективе настанет момент, когда выход на внешние, но близкие и достаточно емкие рынки станет для Узбекистана абсолютным приоритетом [4].

В этом же ряду оказались и Таджикистан (8 млн населения и 8,5 млрд долл. ВВП) с Молдовой (более 3,5 млн населения и 8 млрд долл. ВВП), которые в краткосрочной перспективе также не собираются участвовать в проектах ТС и ЕЭП.

В Таджикистане стали популярными идеи “разворота на юг” и интеграции в южное экономическое пространство. Конечно, нестабильность в Афганистане оставляет некоторую неопределенность в этом отношении. Но в целом у таджикских политиков, чиновников и экспертов преобладает точка зрения, что Афганистан – это, в первую очередь, возможность, хотя признаются и риски. Торговля идет не только с самим Афганистаном, но и через Афганистан с Пакистаном. Уже сейчас более половины цемента на таджикский рынок поставляется из Пакистана.

Для Молдовы ситуация вхождения в ЕЭП усложняется, прежде всего, в политическом плане, потому что ее все больше и больше затягивает “водоворот” потока геополитического противостояния [5]. Сегодня Молдова мучительно пытается сделать выбор между евразийским и европейским будущим, между двумя экономическими блоками и цивилизационными направлениями. Сторонников Таможенного союза в молдавском обществе

больше половины, но молдавские власти зависят от американских, европейских, румынских кураторов значительно больше, чем от своего народа. С одной стороны, обещание подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, Соглашение о свободном, углубленном и всеобъемлющем обмене и, особенно, перспектива безвизового режима с ЕС для молдавских граждан – все это усиливает проевропейский курс страны и укрепляет Альянс за евроинтеграцию.

С другой стороны, ухудшение экономической ситуации стимулирует внешних и внутренних сторонников Евразийского союза активнее продвигать свою позицию. Москва ищет новые рычаги воздействия на Кишинёв (помимо “Газпрома”) и, следовательно, на общественное мнение в Республике Молдова, чтобы убедить народ отказаться от Европы в пользу ЕАЭС. Усиливаются действия и в приднестровском направлении, где Тирасполь открыто заявляет, что необходима интеграция в евразийское пространство, а не в европейское, поскольку “ключевым направлением внешней политики Приднестровской Молдавской Республики является всестороннее развитие взаимодействия с Российской Федерацией. Исторически сложившиеся культурные, цивилизационные и экономические взаимосвязи между Россией и Приднестровьем в рамках единого Русского мира наряду с геополитической заинтересованностью России в общерегиональной стабильности объективно определяют необходимость российско-приднестровских отношений стратегического партнерства” [6].

Из стран Центральной Азии, пожелавших участвовать в ЕЭП, остались только Казахстан (17,8 млн населения и 231,9 млрд долл. ВВП) и Киргизия (6 млн населения и 7,2 млрд долл. ВВП). А ведь общий вклад только стран Центральной Азии в ЕЭП, с учетом Узбекистана и Таджикистана, мог бы составить свыше 60 млн населения и более 300 млрд долл. ВВП, т. е. это прибавило бы к российской экономике 15 % ВВП (а по паритету покупательной способности – около 20 %) и почти 40 % населения.

Страны Центральной Азии при формировании ЕЭП важны не только из-за абсолютных масштабов своих экономик и населения. Развитие экономики неминуемо должно включать значительный элемент реиндустриализации. Это необходимо и для того, чтобы иметь несырьевые точки экономического роста, и для того, чтобы обеспечить необходимое количество рабочих мест в условиях, когда делается ставка на рост населения. Для реиндустриализации же необходимо снижение конкуренции со стороны китайской промышленности. Значит, важный элемент дальнейшего экономического роста – это укрепление экономической границы с Китаем. Опыт ТС

показал, что на практике это ведет к повышению таможенных пошлин на границе с ним. Очевидно, что граница ТС с Китаем будет постепенно укрепляться, а объем контрабанды через нее будет сокращаться. Это вопрос времени.

Казахстану легче было сделать выбор в пользу ЕЭП. Н. Назарбаев еще в середине 2000-х гг. сориентировал политическую элиту страны на реиндустриализацию. В Казахстане есть крупная база металлургической и горнорудной промышленности. Н. Назарбаев видит будущее своей страны как конкурентоспособного индустриального государства. Населения в 17,8 млн человек слишком много, чтобы всем жить только на природную ренту, но слишком мало, чтобы работать только на внутренний рынок. Казахстану с его программами реиндустриализации нужны внешние рынки, прежде всего близкие, это – Россия и Беларусь. Таким образом, ЕЭП – это союз тех, кто ориентирован на реиндустриализацию, кому нужен расширенный рынок и общие экономические границы для увеличения масштабов своей экономики. Для тех же, кто привык в последние 25 лет к торгово-посреднической парадигме развития, присоединение к ЕЭП становится очень сложным решением [7].

Главные сектора официальной экономики Киргизии – горнорудная промышленность и гидроэлектроэнергетика, они дают основной доход в бюджет, однако не создают достаточного количества рабочих мест; 47–48 % населения заняты в аграрном секторе. Но крупнейший неформальный сектор экономики – торговля и посредничество. Киргизия быстро нашла свою нишу в региональной торговле. Либеральное законодательство, слабая правоприменительная практика и высокая коррупция способствовали развитию торговли. Товары поступают из Китая и дальше транспортируются в Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. Оборот двух крупнейших рынков “Дордой” (Бишкек) и “Кара-Суу” (Ош), через которые проходит большая часть реэкспорта китайских товаров, превышает, по экспертным оценкам, официальный ВВП страны. Таким образом, реэкспорт китайских товаров дает второй, “теневой” ВВП. Объем этого бизнеса сравним со всей легальной экономикой (ВВП – 7,2 млрд долл.) и переводами от трудовых мигрантов (примерно 4 млрд долл.).

Реэкспорт китайских товаров стал системным фактором киргизской экономики. Соответственно, в Киргизии распространена концепция “транзитного будущего”. Предполагается, что Киргизия находится на перекрестке крупных торговых маршрутов и должна укреплять свои позиции регионального транспортно-торгового хаба. Требуется смена парадигмы мышления. Не так просто осознать, что

будущее страны – не в перепродаже китайских товаров, а в реиндустриализации.

Руководитель проекта “Улучшение инвестиционного климата” Международной финансовой корпорации Сергей Осаволок озвучил итоги специального исследования, проведенного в Кыргызстане (2016 г.): 80 % инвесторов признались, что самыми большими барьерами для ведения бизнеса в КР являются коррупция, низкая прозрачность и непредсказуемость действий правительства; 43 % опрошенных инвесторов называют коррупцию крайне значимым фактором; 41,6 % респондентов отмечают непредсказуемость действий правительства страны; 62 % не устраивает уровень общественного порядка и безопасности; 40 % опасаются экспроприации; 39 % обижаются на дискриминацию иностранных инвесторов [8].

Реализация интеграционного проекта во всех странах Центральной Азии будет представлять значительные сложности из-за колебания внешнеполитического курса вслед за внутривнутриполитическими событиями и международной конъюнктурой. Амплитуда этих колебаний потенциально в следующие годы может быть достаточно сильной, поскольку страны региона входят в выборный цикл. Однако и после выборного цикла внутривнутриполитическая борьба может оставаться достаточно напряженной, особенно в Казахстане и Узбекистане: обе страны уже в обозримой перспективе могут подойти к стадии смены президентов. Страны Центральной Азии имеют также очень непростые двусторонние отношения между собой. И проводить в этих условиях региональный проект крайне сложно. Парадокс состоит в том, что некоторые проблемы (например, водно-энергетическая) не имеют странового решения, а только региональное, но, чтобы выйти на такое региональное решение, надо преодолеть двусторонние противоречия. На практике сделать это оказывается чрезвычайно сложно.

Нельзя забывать, что общества в большинстве стран постсоветского пространства остаются преимущественно традиционными по своим социально-политическим взглядам и общей ментальности. В обществах сильны традиционные связи и ценности, причем это справедливо не только для сельской местности, но и для городов. Процесс неорганизованной миграции из неблагоприятных сельских районов в город протекает стихийно. Города оказались не готовы к приему новых горожан. В результате они и не становятся горожанами, они используют только экономические возможности города, но не пользуются по назначению его социальной и культурной средой. В сухом остатке эти новые горожане не поднимаются в своем социальном и культурном развитии до нормальных

горожан. Имеет место обратный процесс – города деградируют до уровня этих новых горожан.

На этом фоне сильным фактором является развитие ислама в странах Центральной Азии. Новые горожане, оторванные от своих традиционных сетевых структур солидарности в кишлаках и аулах, частично воссоздают их в городах, но в еще большей степени тянутся к городским исламским проповедникам. В мечетях, причем далеко не всегда официальных, они находят поддержку. В результате стихийная урбанизация сильно способствует исламизации (в том числе и в радикальных формах).

Все вместе – и традиционное негородское общество, и новые традиционалистски настроенные горожане – создало спрос на контрреволюцию традиционных ценностей. Этому способствовало еще и то, что первой реакцией правящих режимов в ответ на угрозу цветных революций (бунтов либеральной городской молодежи и части среднего класса) было решение мобилизовать в свою защиту не только узкий слой правящей элиты и бюрократический аппарат, но и массу простых людей, разделяющих традиционные ценности.

Лишь в немногих странах евразийского пространства осталась социальная база для радикальных внутривластных изменений демократического толка. Страны Центральной Азии, очевидно, к этой категории не относятся. В государствах этого региона зреет база для совсем других радикальных внутривластных изменений. Настоящие угрозы исходят от радикальных религиозных движений, и по сравнению с ними протесты городской молодежи, интеллигенции и либералов кажутся достаточно безобидными.

Тем не менее волна цветных революций в Центральной Азии захлебнулась. Ее менеджеры в западных странах снизили свою активность. Как следствие, правящие режимы в странах Центральной Азии в последние годы получили передышку. Создается такое впечатление, что многим представителям правящих элит в этих государствах даже стало стыдно за свою первоначальную растерянность и страх, причем они маскируют этот стыд своеобразным бахвальством. В последние годы часто можно встретить такие рассуждения, мол, вся угроза цветных революций – это российская страшилка, Москва хочет держать правящие режимы под контролем и запугивает их мнимой цветной угрозой. Западные партнеры подыгрывают этим настроениям. Остается только надеяться, что это первая эмоциональная реакция после возможности расслабиться. Ведь были и страх, и растерянность на фоне первой волны цветных революций, и угроза не казалась тогда мнимой. Да и власть в Киеве, Тбилиси и Бишкеке поменялась не виртуальным

образом, а силами тысяч людей, готовых к штурму госучреждений и противостоянию с органами правопорядка [9].

Одним словом, какими бы не были сложности, Россия вряд ли отступит от своего регионального проекта, поскольку сделала ставку на то, чтобы стать самостоятельным игроком в современном мире. Понятно, что полная самостоятельность сегодня невозможна абсолютно, но реальна в такой степени, чтобы проводить самостоятельную политику и поддерживать глобальную конкурентоспособность. И страны Центральной Азии могут внести в этот процесс значительный вклад. Результатом этого процесса, в случае его успешности, станет значительное усиление России.

Литература

1. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / А. Кнобель // *Вопр. экономики*. 2015. № 3. С. 87–108.
2. Либеральная империя Чубайса // URL: <http://guscésar.livejournal.com/655595.html> (май 2013 года)
3. Халанский И. Вступление РФ в ВТО и будущее евразийской интеграции / И. Халанский // *Материалы междунар. науч.-практ. конф. “20 лет СНГ: актуальные проблемы интеграции и сотрудничества”*. Бишкек: Изд-во КPCY, 2012. С. 39–49.
4. Сафранчук И. Глобализация в головах / И. Сафранчук // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 1 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Globalizatsiya-v-golovakh-17313>
5. Что ждет Молдову после саммита в Вильнюсе? // URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/chto-zhdet-moldovu-posle-sammitya-v-vilnyuse> (28 ноября 2013 года)
6. Независимость и евразийская интеграция: проект Концепции внешней политики Приднестровья // URL: <http://www.imperiya.by/theory5-13907.html> (20 сентября 2012 года)
7. Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст / И. Сафранчук // *Записка Аналитического центра Обсерво*. 2014. № 8 (ноябрь). С. 4–20.
8. Синяев Д. Россия – Кыргызстан: стратегическое партнерство или внешнеполитические игры? / Д. Синяев // URL: <http://www.imperianews.ru/details/db85ba51-44034e45-b58c-e362f22a65dc> (17 февраля 2016 года)
9. Сафранчук И. Трансформация угроз внутренней нестабильности в Центральной Азии / И. Сафранчук // *Индекс безопасности*. 2014. № 3 (110). Т. 20. С. 159–161.